

Лопаткина Ульяна
(Балерина)

11.03.04

Лопаткина превратила лебедя в ангела

Если судить по реакции публики, главным событием IV Международного фестиваля балета в Мариинском театре стала отнюдь не премьера культового Уильяма Форсайта и не гастроль зарубежных звезд. Пока самое крупное событие — явление отечественной звезды Ульяны Лопаткиной в «Лебедином озере».

Ольга ГЕРДТ

Днем раньше, когда показывали премьеру Форсайта, зрители тоже сходили с ума. Но в пределах разумного. Через день, когда показывали престижные одноактовки — «Свадебку» Нижинской и «Этюды» Ландера, — зрители тоже радовались, но в полупустом зале. Настоящее безумие и настоящий аншлаг можно было наблюдать только тогда, когда в «Лебедином озере» в роли Одетты-Одиллии вышла прима Мариинского театра Ульяна Лопаткина. Пару лет из-за рождения дочери не танцевавшую бале-

рину ожидали и принимали как кумира, пророка и даже не знаю кого. С экзальтацией, граничащей с религиозной.

Лопаткина танцевала свое третье в этом сезоне «Лебединое». Вынужденный перерыв никак не ощущался. Напротив, создавалось ощущение, что эту роль она шлифовала вечность. Технически безупречная (а там где не безупречно — все равно комар носу не подточит), с отрешенным от всего земного взглядом, невесомая и пустотелая Одетта Лопаткиной выглядела существом если не совершенным, то точно неземным. Ее всепрощение и умиротворенность распространялись на всех сразу и ни на кого в отдельности — на кордебалет заколдованных птиц, на Зигфрида и даже на поверженного злодея Ротбарта в финале. Любовь земную, как и тему предательства, эта Одетта, с материнской нежностью кладущая голову на плечо принцу, с сестринской мудростью умоляющая его не клясться на словах, отменяла по определению. Тот мужчина (Зигфрида танцевал Данила Корсунцев) или этот, и что он вытворяет — уже не так важно.

Важно, что его любит такое существо. Ангел, можно сказать.

У совершенства все же есть предел. Когда оно достигнуто — исчезает конфликт, сопротивление материалу, уходит что-то живое и актуальное. Несколько лет назад, когда Лопаткина танцевала «Лебединое озеро» в Большом театре, и ее мощный природный дар еще не был побежден ее же тягой к перфекционизму, казалось, что эта Одетта из какого-то другого, не поставленного спектакля. Ее сводившие публику с ума темпы (Лопаткина на секунду замирала в руках партнера, а казалось, что проходила вечность) тотально не совпадали с тем, что происходило вокруг. Лопаткина утверждала какую-то новую Одетту, разрушая спектакль, давно превративший этот персонаж в собирательный образ романтической героини вообще. Сегодня нет и следа той прежней, может быть, невольной, но деконструкции. Сегодня балерина и дар свой усмирила, и спектакль гармонизировала, подчинив своей воле. Раньше ее Одетта цитировала Жизель, Сильфиду, Умирающего лебе-

дя. Сегодня она хозяйничает в царстве мертвых, как Мирта, повелительница виллис. Правда, в образе ангела. Все по отдельности в этом устаревшем спектакле — и пантомима первого действия, и характерные танцы второго, и ложный финал, в котором Ротбарту отрывают крыло, а влюбленные воссоединяются, и даже безупречные линейки лебединых кордебалетов — может показаться бессмысленным и формальным. Но благодаря Лопаткиной отнюдь не раздражает. Теперь здесь царят мир и покой. Иначе говоря — традиция.

Перед спектаклем, когда толпа штурмовала двери Мариинского театра, я подумала, что сотворить себе кумира и молиться на него нашей публике гораздо важнее, чем расширять кругозор. Она не случайно скучает на Форсайтах, Ландерах и Нижинских. И не случайно, как только Лопаткина на время покинула нишу балерины-идола, ее тут же заняла самозванка Волочкова. Ведь только ее, как и Лопаткину, знают даже те, кто в глаза не видел ни одного балетного спектакля.

Санкт-Петербург

Одетта Ульяны Лопаткиной — настоящий ангел. Принцу Зигфриду (Даниле Корсунцеву) она простила предательство еще до того, как он его совершил